

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 20.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К^о.

—
1858.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. МАЙКОВА.

Стихотворенія Аполлона Майкова. Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко. 2 части in. 8° С. Петербургъ, въ тип. П. А. Кулиша. 1858 г. Стр. 247 и V, 294 и IV. Цѣна 2 руб. сер. Съ пересылкой 3 р. сер.

Давно ли стихи казались почти совершенно изгнанными изъ нашей литературы? Давно ли давали имъ пріютъ только въ третьестепенныхъ журналахъ? Остракизмъ, произнесенный тѣми изъ журналовъ, которые естественнымъ образомъ имѣли сильнѣйшее вліяніе на публику, сдѣлалъ ее крайне недовѣрчивою къ стихамъ вообще. Это отразилось даже на тѣхъ слояхъ читателей, для которыхъ издавались прежде во множествѣ сборники стихотвореній, обязанныхъ своимъ существованіемъ золотому досугу и рѣзвостію людей, не имѣющихъ ничего общаго не только съ поэзіей, но и вообще съ литературой. Прежде эти господа то и дѣло печатали книжки своихъ стиховъ, и вдругъ, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ пріумолкли. Такъ въ мірѣ служебномъ опала и отставка сановника влекутъ за собою нерѣдко изгнаніе даже сторожей его вѣдомства.

Многіе не вѣрили тому, чтобы гоненіе на хорошіе стихи могло быть продолжительнымъ. Какъ бы ни сдѣлались важны другіе литературные и научные интересы, въ области словесности все-таки будетъ всегда существовать уголокъ, гдѣ найдутъ убѣжище произведенія свѣжихъ, хотя бы и не мощныхъ вдохновеній, которыми будутъ иногда любоваться даже люди, посвятившіе себя иному, болѣе плодотворному и значительному служенію мысли и слова. Другое дѣло—велико ли будетъ число

такихъ любителей, но, что они найдутся, въ этомъ можно быть увѣреннымъ..

Предсказанія эти начали сбываться года четыре тому назадъ. Сперва тѣ же самые журналы, которые преслѣдовали стихи, даже хорошіе, стали изрѣдка и будто изподтишка помѣщать на страницахъ своихъ произведенія разныхъ извѣстныхъ стихотворцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые давно уже не являлись въ печати. Вскорѣ оказалась полная реакція, и въ журналахъ явились даже имена, о которыхъ публика никогда прежде не слыхала, но которыя не всѣ были достойны полной неизвѣстности.

Замѣчательно, что первая попытка возстановленія кредита стиховъ сдѣлана была «Современникомъ», въ которомъ «Новый поэтъ» нѣсколько лѣтъ сряду преслѣдовалъ стихотворство. Этимъ лучше всего доказывается, что ни изгнаніе изъ журналовъ, ни возстановленіе въ нихъ стихотворнаго отдѣла не было какою-нибудь условленною стачкою редакторовъ, а совершилось само собой; просто пришелъ на это часъ воли Божіей. «Современникъ» имѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо, право вновь начать печатать стихотворенія: одинъ изъ издателей его, г. Некрасовъ, замѣчательнѣйшій русскій поэтъ нашего времени, послѣ долгаго молчанія принялся около этой поры за стихи, съ которыми грѣхъ было не познакомить публику. Вмѣстѣ съ этимъ появились опять въ журналѣ произведенія и другихъ извѣстныхъ поэтовъ.

«Современникъ» же первый подалъ примѣръ къ возобновленію изданій сборниковъ, составленныхъ изъ произведень одного лица. При третьей книжкѣ 1854-го года онъ подарилъ подписчиковъ собраніемъ стихотвореній О. И. Тютчева, вышедшихъ потомъ и отдѣльной книжкой. Читатели вѣроятно помнятъ отрадное впечатлѣніе, произведенное появленіемъ этихъ благоуханныхъ поэзіей, исполненныхъ глубокой мысли стихотвореній, на которыя публика не обращала прежде должнаго вниманія, слѣдя много лѣтъ за ожесточенной борьбой, происходившей въ литературѣ между новыми и старыми идеями. Постепенное торжество правды надъ ложью, рутиной и шарлатанствомъ долго поглощало все вниманіе людей мыслящихъ и читающихъ. Не удивительно, что при такомъ напряженіи

другіе интересы отодвинулись на второй планъ и даже были отчасти забыты. Тѣмъ отраднѣе было, послѣ долговременной разстановки, услышать и узнать опять звуки чистой, плѣнительной поэзіи, отъ которыхъ мы на время совсѣмъ отвыкли.

Появленіе стихотвореній г. Тютчева было какъ-будто сигналомъ окончательной реакціи. Съ тѣхъ поръ выходили одно за другимъ разныя собранія стихотвореній. Не говоря уже о новыхъ изданіяхъ Пушкина и Лермонтова, о дополнительныхъ томахъ сочиненій Жуковского, сколько появилось въ послѣдніе три года стихотворныхъ сборниковъ, начиная хоть съ народій «Новаго поэта». Тутъ мы встрѣчаемъ имена В. Пушкина, Козлова, Веневитинова, Языкова, Полежаева, Кольцова, гр. Растопчиной, Д. Сушкова, Бенедиктова, Фета, Некрасова, Мел., Н. Сушкова, Матлева, Вердеревскаго, Никитина, Арбузова, Кроля, Гербеля, Курочкина, Михайлова. Мы не сортируемъ эти имена, изъ которыхъ не всѣ теперь имѣютъ право на вниманіе публики; приводимъ ихъ только для того, чтобъ засвидѣтельствовать высказанный нами фактъ неоспоримой стихотворной реставраціи.

Изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ, отличенныхъ критикой и публикой, почти одинъ только г. Майковъ опоздалъ выдачей новаго изданія своихъ стихотвореній, не смотря на то, что прежнія изданія ихъ сдѣлались уже очень рѣдки. Теперь неудобство это отстранено, и намъ остается только благодарить, какъ самого поэта, такъ и его издателя.

Г. Майковъ вступилъ на литературное поприще въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ, будучи еще очень молодъ: ему было около 18-ти лѣтъ, и онъ былъ тогда студентомъ Петербургскаго университета. Въ то время (въ концѣ 1839 года) Бѣдинскій только-что переехалъ въ Петербургъ и съ перваго раза завоевалъ себѣ мѣсто перваго русскаго критика. Чрезвычайно тонкій природный эстетическій вкусъ, глубина критическихъ воззрѣній, увлекательный языкъ, изумлявшій своею вѣрностью и мѣткостью, и высокая честность непоколебимыхъ убѣжденій сразу покорили его вліянію всѣхъ, кто былъ молодъ, неиспорченъ и воспримчивъ. Польза, имъ принесенная новымъ поколѣніемъ, неисчислима: даже слишкомъ рѣзкое отрицаніе прежнихъ авторитетовъ было въ свое время совершенною необхо-

димостью. Прошло это время, и теперь изучают старину, конечно, дѣльнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо прежде; отрицаніе неразборчиваго поклоненія авторитетамъ принесло и въ этомъ отношеніи свои плоды. Бѣлинскій сдѣлалъ свое дѣло и, своею критикою, вѣрно указалъ тотъ путь, на которомъ для каждой способности, для каждаго добросовѣстнаго труда, открывается кругъ дѣйствія, свободный отъ предразсудковъ, застою и рутины. Не смотря на необходимую разность личныхъ воззрѣній и частныхъ приложеній, въ литературѣ нашей работали теперь извѣстныя основы и начала, общія почти всѣмъ пишущимъ, и дающія литературному движенію, сравнительно съ прежнимъ, все-таки болѣе правильный и болѣе разумный ходъ. Всѣмъ этимъ время наше преимущественно обязано Бѣлинскому, и это его важнѣйшая заслуга, о которой нельзя не упомянуть хоть вскользь, когда рѣчь коснется нашего единственнаго, если и не вполне безукоризненнаго критика.

Г. Майковъ помѣщалъ первыя свои произведенія въ журналахъ и сборникахъ, иногда безъ подписи своего имени. Вѣроятно, онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ, что первую цѣнную похвалу встрѣтилъ онъ отъ Бѣлинскаго. Въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ было помѣщено, между прочимъ стихотвореніе его «Сонъ» (стр. 571.), подъ которымъ скромно были выставлены три звѣздочки. Бѣлинскій, никогда не увлекавшійся именами, обратилъ особенное вниманіе на эту прелестную піесу и выписалъ ее въ рецензіи альманаха (Отеч. Зап. т. IX, 1840 г., № 3, отд. VI, стр. 14.), сказавши не обинуясь, что она отличается «художественною формой, напоминающей подражанія древнимъ Пушкина.» Піеса эта такъ поразила критика, не знавшаго даже имени поэта при ея появленіи, что онъ возвратился къ ней спустя слишкомъ годъ, говоря объ антологической поэзіи по случаю выхода «Римскихъ Элегій» Гёте въ переводѣ г. Струговщикова (Отеч. Зап. т. XVII, 1841, № 8, отд. V, стр. 43), и опять выписалъ «Сонъ», отзываясь о немъ еще съ болѣе большимъ восхищеніемъ, чѣмъ прежде.

Вскорѣ послѣ выхода г. Майкова изъ университета появилась въ свѣтъ книга «Стихотворенія Аполлона Майкова» (С.П.Б. въ тип. Праца, 1842 г. in 8, стр. 240), заключающая въ себѣ 85 мелкихъ стихотвореній и поэмъ «Олионъ и Эсепиръ». Успѣхъ

онъ былъ необыкновенный. На университетскомъ актѣ 25-го марта 1842 года ректоръ П. А. Плетневъ, при чтеніи обзора университетской дѣятельности за истекшій годъ, указалъ на замѣчательную книгу стихотвореній только что кончившаго курсъ кандидата и привелъ изъ нея прекрасное стихотвореніе «Пѣвцу» (стр. 125), а потомъ разобралъ ее въ «Современникѣ» (т. XXVI, 1842, стр. 49, № 1). Бѣлинскій посвятилъ разбору стихотвореній Майкова обширную критическую статью, не удовольствовавшись хвалебнымъ отзывомъ въ ежемѣсячномъ библиографическомъ обзорѣ. (Отеч. Зап. т. XXI, 1842, № 3, отд. V, стр., и отд. VI, стр. 3.)

Не смотря на громкія похвалы, щедро разсыпанныя г. Майкову за то, что было истинно-прекраснаго въ его книгѣ, Бѣлинскій строго осудилъ его слабыя юношескіе опыты, которыхъ нашлось, какъ и слѣдовало ожидать, на первый разъ не мало. Притомъ несомнѣнный талантъ поэта долженъ былъ сдѣлать критику весьма требовательною относительно піесъ, въ которыхъ онъ шелъ по фальшивому пути или не былъ на высотѣ своего собственнаго дарованія.

Бѣлинскій съ свойственнымъ ему эстетическимъ тактомъ съ перваго раза высказалъ въ критической статьѣ своей, что стихотворенія г. Майкова, раздѣляющіяся на два разряда, не заключаютъ въ себѣ одинаковыхъ задатковъ для будущаго развитія его таланта. «Къ первому», говоритъ онъ, «должно отнести «стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это «перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ *думаетъ быть* современнымъ поэтомъ и которыхъ лучшая сторона — хорошіе «стихи». Въ доказательство перваго своего положенія онъ въ *третьей разѣ* выписалъ піесу «Сонъ», называя ее «дивно-поэтической», «роскошно художественной». Кто не согласится, что предсказаніе Бѣлинскаго сбылось вполне, что г. Майковъ и теперь превосходенъ въ антологическомъ родѣ, въ описаніяхъ природы и пр., но не производитъ ничего кромѣ звонкихъ стиховъ, когда (какъ это было недавно) *вздумаетъ быть* современнымъ поэтомъ?

Бѣлинскій приписывалъ особенную важность антологиче-

скому роду и признавалъ въ немъ молодаго поэта хозяиномъ и мастеромъ. Піэсы «Октава» и «Искусство» онъ назвалъ *исвою эстетику* и прибавилъ, что любое антологическое стихотвореніе его можно принять за превосходный переводъ съ греческаго. Воззрѣніе г. Майкова на жизнь критикъ находилъ чисто греческимъ, но справедливо замѣтилъ въ этомъ воззрѣніи совершенное отсутствіе одного важнаго элемента — *трагическаго*, приписывая это молодости поэта.

Второй разрядъ стихотвореній г. Майкова осужденъ Бѣлинскимъ строго, но справедливо, не только по ихъ мысли, но и по исполненію, гдѣ далеко не всегда встрѣчалась та прелесть стиха, тайну которой поэтъ постигъ такъ рано въ антологическихъ піэсахъ.

Г. Майковъ посѣтилъ Италію въ 1844 году и вынесъ изъ нея новые образы, послужившіе ему богатымъ запасомъ вдохновенія, когда онъ писалъ свою поэму «Двѣ судьбы» (Спб. 1845 г.) и «Очерки Рима» (Отеч. Зап. 1847, томъ I, № 1, Отд. I, стр. 43 и Отдѣльная брошюра. Спб. 1847). Тутъ находимъ новые мотивы вдохновеній, внушенные поэту близкимъ знакомствомъ съ классической страной искусствъ, и самыя роскошныя, поэтическія картины итальянской природы, которыя когда-либо были писаны на русскомъ языкѣ.

Замѣчательнѣйшія рецензіи поэмы «Двѣ судьбы» читатели найдутъ въ «Отечественныхъ запискахъ» (1845, томъ XXXIX, № 3, Отд. VI., стр. 1) и въ «Современникѣ» (1845, томъ XXXVIII, № 4, стр. 99). «Очерки Рима» разобраны въ «Современникѣ» (1847, томъ I. № 2, Отд. III, стр. 138).

Около того же времени появилась поэма г. Майкова «Машенька» въ «Петербургскомъ сборникѣ», изданномъ на 1846 г. Некрасовымъ. Замѣтимъ здѣсь рецензіи на эту поэму въ «Отечественныхъ запискахъ» (1846, томъ XIV, № 3, Отд. V, стр. 1) и въ «Москвитянинѣ» (1846, № 2, стр. 182). Поэма эта гораздо слабѣе прочихъ произведеній г. Майкова, не смотря на многія граціозныя подробности.

Съ тѣхъ поръ имя г. Майкова стало встрѣчаться гораздо рѣже въ нашей литературѣ: это происходило отъ общаго не-тракизма, произнесеннаго временемъ надъ стихами. Но 1853

годъ, съ своими политическими и военными интересами, обратилъ его къ новому направленію—онъ задумалъ быть поэтомъ современнымъ и вскорѣ напечаталъ брошюрку подъ заглавіемъ «1854 годъ» (Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1855, стр. 53). Тутъ помѣщены были піэсы торжественныя и псевдо-патріотическія, оказавшіяся (кромѣ «Клермонтскаго собора») наборомъ громкихъ словъ, натянутыми пародіями простонародной рѣчи и лишенными всякаго живаго пониманія современности. Какъ г. Бенедиктовъ поднялся во мнѣніи публики своими стихотвореніями на современные событія, такъ упалъ, коснувшись современности г. Майковъ, вполнѣ оправдывая мнѣніе Бѣлинскаго о характерѣ его таланта. Эти несчастныя произведенія едва могли быть забыты при чтеніи его позднѣйшихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и въ числѣ которыхъ явилось нѣсколько истинно прекрасныхъ. Теперь, съ новымъ изданіемъ своихъ сочиненій, онъ опять вступаетъ въ права, подобающія ему, какъ одному изъ даровитѣйшихъ современныхъ поэтовъ.

Новое изданіе состоитъ изъ двухъ частей, Въ 1-ой помѣщены: посвященіе, піэсы въ антологическомъ родѣ (41), изъ восточнаго міра (8), Элегіи (7), Подражаніе древнимъ (12), Эпическіе опыты (6) и Очерки Рима (26). Во 2-ой находятся: Поэмы (8), Піэсы изъ древняго міра (39), Изъ прошлаго (6), Фантазіи (4), Житейскія думы (11), Мотивы Гейне (30), Новогреческія піэсы (4) и Посланія (6). Всего 209 піэсъ.

Сравнивая новое изданіе съ прежними, мы находимъ, что г. Майковъ былъ строгъ въ выборѣ своихъ сочиненій. Изъ 85 піэсъ изданія 1842 года онъ, согласно указаніямъ Бѣлинскаго, выкинулъ двадцать четыре и всю почти поэму «Олинеъ и Эсепръ», кромѣ небольшого отрывка; изъ 27 «Очерковъ Рима»—два, помѣстивши вмѣсто того одинъ новый. Брошюра «1854 годъ» со всѣмъ не вошла въ новое изданіе, кромѣ піэсы «Клермонтскій соборъ». Разсѣянные по журналамъ стихотворенія также подверглись довольно строгому выбору.

Все это конечно дѣлаетъ честь вкусу и взыскательности къ самому себѣ автора. Но мы не можемъ не попенять ему за исключеніе двухъ поэмъ: мы не нашли въ новомъ изданіи ни «Ма-

шеньки», ни «Двухъ судьбъ». Съ отсутствіемъ первой помириться можно, но добровольное исключеніе послѣдней кажется намъ уже преувеличенною строгостью, тѣмъ болѣе, что «Двѣ судьбы» давно разошлись въ продажѣ и достать ихъ теперь почти невозможно.

Общее заключеніе о стихотвореніяхъ г. Майкова выводится по мнѣнію нашему слѣдующее. Гороскопъ Бѣдинскаго сбылся вполне; перлами поэзіи г. Майкова все-таки остаются его антологическія стихотворенія, исполненныя невыразимой прелести. Съ годами талантъ его овладѣлъ и нѣкоторыми другими мотивами, сродными отчасти его первоначальному направленію: чувство природы подчинило себѣ болѣе разностороннихъ элементовъ; великолѣпныя картины Италіи и скромные пейзажи родины вѣрно и поэтически ложатся подъ кистью художника и нерѣдко поражаютъ своею истиною, стройностью и прелестью. Чувство не глубокое, но иногда страстное, выражается поэтомъ искренно, а множество образовъ, созданныхъ имъ, носятъ на себѣ печать истинной граціи и совершенной гармоніи. Но г. Майковъ никогда не былъ и не будетъ поэтомъ мысли. Онъ не можетъ совладать съ нею; почти всѣ стихотворенія, гдѣ онъ добивается этого, сейчасъ обращаются въ многословіе, лишенное содержанія, и тутъ даже мастерской стихъ измѣняетъ ему. Впрочемъ удѣлъ поэта и безъ того завиденъ; ни кто, обладающій хоть сколько-нибудь даже не эстетическимъ чувствомъ, а просто поэтическимъ чутьемъ, не прочтетъ безъ душевнаго наслажденія стиховъ, гдѣ г. Майковъ остается вѣренъ своему таланту. Мы больше всего любимъ его «Антологическія піесы», «Изъ древняго міра» и «Мгновенія.»

Не будемъ дѣлать длинныхъ выписокъ изъ стихотвореній г. Майкова; всѣ любящіе поэзію прочтутъ новыя его произведеніе и оживятъ въ себѣ прежнія впечатлѣнія, перечитавши давно знакомое. Ограничимся выпиской на удачу хоть «Сѣноко-са» (ч. II, стр. 128), тѣмъ болѣе, что піеса эта, кажется, не была прежде напечатана. Это мастерская картинка, доказывающая какъ граціозно и поэтически, не измѣняя притомъ ни одной чертой вѣрности природѣ, умѣетъ г. Майковъ изображать дѣйствительность.

Нахлестъ сѣномъ надъ лугами....

Въ изостъ думу весела,
Бабы съ граблями рядами
Ходить, сѣно шевеля.

Тамъ сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ выгнаны кидаютъ....
Возъ растетъ, растетъ какъ домъ....

Въ ожиданіи коня убогій
Точно вкопанный стоитъ....
Уши провь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.

Только жучка удалая
Въ рикломъ сѣтъ, какъ въ волнахъ,
То вылетая, то ныряя.
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

Нельзя еще не указать безъ особеннаго удовольствія на «Мотивы Гейне», которыми украшенъ второй томъ изданныхъ теперь стихотвореній. Тридцать пѣснь этого поэта, конечно всѣхъ глубже постигшаго и всѣхъ вѣрнѣе выразившаго собою духъ времени, переданы г-мъ Майковымъ отчасти въ буквальный переводъ, отчасти въ свободномъ переложеніи, но почти всѣ безъ исключенія — съ замѣчательнымъ мастерствомъ и съ тѣмъ тонкимъ художественнымъ тактомъ, какой дается только истинно-поэтическому таланту. Не говоримъ, чтобъ все здѣсь было безукоризненно: придирчивая критика найдетъ чѣмъ поживиться даже и въ самомъ удачномъ переложеніи или переводѣ; но общее впечатлѣніе удовлетворительно вполне: даровитый переводчикъ передаетъ намъ живо и вѣрно не только смыслъ, образы, тонъ каждаго стихотворенія, но и самую манеру германскаго поэта.

Въ заключеніе мы обязаны сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи стихотвореній г. Майкова. Оно состоитъ изъ двухъ плотныхъ томовъ въ большую осьмушку, напечатанныхъ необыкновенно исправно въ корректурномъ отношеніи, на превосходной бумагѣ, изящнымъ шрифтомъ, и безъ всякихъ вычуръ. Ни одинъ русскій поэтъ не былъ еще изданъ такъ исправно и роскошно. Изданіе стихотвореній г. Майкова дѣлаетъ въ первомъ изъ этихъ отношеній честь автору и новой типографіи г. Кулиша. Что же касается до красоты книги при необыкновенной

ея дешевизнѣ, за это нельзя не благодарить издателя ея, графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Мы слышали, что онъ приобрѣлъ право на изданіе многихъ другихъ русскихъ книгъ и ручаемся, что «Стихотворенія г. Майкова» заранѣе отрекомендуютъ публикѣ всякое новое типографское предпріятіе, при которомъ встрѣтится имя графа Кушелева. Вѣрно не мы одни поблагодаримъ щедраго издателя и пожелаемъ, чтобы примѣръ его не остался у насъ безъ подражанія. Мы еще слишкомъ мало приучены къ такого рода употребленію богатства.

М. Донгиновъ.

Москва. 3-го мая 1858 г.

МОЦАРТЪ.

W. A. Mozart, von Otto Jahn. Leipzig, 1856—1858. 3 V.
Breitkopf und Härtel.

(Продолженіе.)

Извѣстно, что въ оперѣ хотѣли возстановить древнюю трагедію. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ опера *seria* еще сохранила вліяніе этого стремленія. Речитативъ занималъ главное мѣсто. Монодіямъ (*solo*) и хорамъ древней трагедіи соотвѣтствовали арии и хоры въ возвышенныхъ лирическихъ мѣстахъ. Сюжеты для оперы, сообразно съ этимъ, брали изъ мифологій или исторіи, хотя поэтический характеръ ея вовсе не соотвѣтствовалъ характеру прототипа. Представленіе оперы составляло необходимую принадлежность всѣхъ придворныхъ праздниковъ, — и въ либретто непременно надо было ввести какой-нибудь аллегорическій намекъ на настоящее. Танцы не усиливали поэтического дѣйствія и служили только къ возвышенію наружной роскоши и великолѣпія. О поэтическомъ достоинствѣ оперы, о драматическомъ положеніи, о страсти не было и рѣчи; главную роль играли костюмы и декорации. Но такое развитіе оперы привело къ реакціи, происшедшей главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: одна, внѣшняя, заключалась въ томъ, что подобная роскошь была возможна только для дворовъ, а импрезаріи старались сокращать свои расходы; другая причина, еще важнѣе, была — такое развитіе искусства пѣнія, что публика могла уже наслаждаться посредствомъ одного чувства слуха, не прибѣгая къ помощи зрѣнія. Реформаторомъ оперы считается Александръ Скарлатти (1659—1725), основатель знаменитой Неаполитан-